

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1911 — 1912.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДЕСЯТИ ТАБЛИЦЪ И СЪ ТРИНАДЦАТЬЮ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лп., № 12.

1913.

Краткія замѣтки о современномъ состояніи шаманства у сибо, живущихъ въ Илійской области и Тарбагатаѣ.

Насколько можно судить по имѣющимся у насъ по этому вопросу свѣдѣніямъ, сибо были покорены и вошли въ составъ маньчжурскаго народа въ началѣ XVII ст., когда воинственный Нурхацци, сдѣлавшійся впоследствии первымъ маньчжурскимъ императоромъ и извѣстный въ исторіи подъ именемъ Тай-цзу, подчинялъ своему господству различныя народности, обитавшія въ то время въ нынѣшней Маньчжуріи¹⁾. По «Мэнь-гу-ю-му-цзи», сибо жили тогда за границами Чуань-чана (т. е. Гириня) въ 500 сличкомъ ли на Ю. З.²⁾. Послѣ подчиненія маньчжурамъ сибо были приписаны къ знаменамъ и по отбыванію повинностей отвесены къ монголамъ Корциньскаго рода³⁾. При Шэнь-цзу (1662—1723), третьемъ императорѣ Дайцинской династіи, годы правленія котораго называются по-маньчжурски «Элхэ тайфинь», а по-китайски «Канъ-си», началось, повидимому, расселеніе сибо по разнымъ мѣстамъ⁴⁾. Такъ, между прочимъ, въ 38 году Канъ-си сибо, жившіе въ Бодунэ, были переведены въ Шэнь-цзинь⁵⁾.

Послѣ того какъ чжунгарскій вождь Амурсана въ дѣйствіяхъ своихъ противъ китайцевъ потерпѣлъ полную неудачу, и Чжунгарія въ 1758 году

---

1) «Обстоятельное описаніе происхожденія и состоянія Маньчжурскаго народа и войска, въ осми знаменахъ состоящаго», 1784, т. II, стр. 152. Въ числѣ тѣхъ 9 племенъ, которыя въ 21 г. правленія Вань-ли (1599) пошли войной противъ Нурхацци и были разбиты послѣднимъ, находились и сибо (см. «Шэнь-ву-цзи», цз. I, чж. 4; также рукопись «Амба дайцинъ гурунь-и да сэкьнь-и битхэ», стр. 11).

2) «Мэнь-гу-ю-му-цзи» въ переводѣ П. С. Попова, 1895, стр. 175. Въ «Шэнь-ву-цзи» какъ на мѣсто тогдашняго жительства сибо указывается на оба берега рѣки Новни.

3) «Мэнь-гу-ю-му-цзи», стр. 175.

4) «Обстоят. описаніе происхожд. и состоянія маньчжур. народа», т. I, гл. 1, стр. 16.

5) А. Рудаковъ. «Матеріалы по исторіи китайской культуры въ Гириньской провинціи», Владивостокъ, 1903, т. I, стр. 12.

окончательно присоединена была къ Поднебесной имперіи, китайское правительство, въ цѣляхъ колонизаціи, переселило значительное количество жившихъ въ Мукденѣ сибо въ Илійскій край¹⁾. Потомки этихъ военно-поселенцевъ занимаютъ теперь часть земель по лѣвому берегу рѣки Или, къ югу отъ гор. Хой-юань-чэна (иначе называемаго Сянь-чэнь) — резиденціи Илійскаго «цзянь-цзюня». Они раздѣляются на 8 «ниру» или ротъ²⁾; каждая рота (за исключеніемъ первой и третьей, которыя живутъ вмѣстѣ) помѣщается въ особомъ селеніи («токсо»), обнесенномъ кругомъ стѣнами; во главѣ каждой роты (ниру) стоитъ «нируй чжангинь» (командиръ роты); фактическое управленіе всѣми сибо, всѣмъ ихъ «лагеремъ» (куварань) лежитъ на «ухэри да» (буквально-общій начальникъ), которому непосредственно подчинены всѣ 8 «нируй чжангинь»; выше «ухэри да» — «мэнь амбань», состоящій при Илійскомъ «цзянь-цзюнь»; въ рукахъ послѣдняго сосредоточено высшее завѣдываніе и командованіе всѣми военными силами Илійской области. Если считать женщинъ и дѣтей, то всѣхъ сибо въ Или теперь не менѣе 25—26000 душъ. Численный составъ ихъ ниру не одинаковъ: всего болѣе людей въ 5-й ротѣ (около 4.000 душъ), всего менѣе въ 7-й (не доходитъ до 2.000 душъ³⁾). Главнымъ занятіемъ илійскихъ сибинцевъ⁴⁾ является земледѣліе.

Въ Тарбагатаѣ сибо немного: по разспроснымъ свѣдѣніямъ, вмѣстѣ съ солонами ихъ насчитываютъ около 400 семей. Живутъ они или въ самомъ Чугучакѣ или же въ окрестностяхъ этого города, на отдѣльныхъ хуторахъ; занимаются главнымъ образомъ земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Сибо говорятъ на чистомъ маньчжурскомъ языкѣ и вмѣстѣ съ собственно маньчжурами (т. наз. «фэ маньчжу») и солонами являются въ Сянь-цзянѣ представителями тунгузскихъ племенъ. Они исповѣдуютъ буддизмъ; въ 5-й ротѣ («суньчжади ниру») имѣется буддійскій монастырь, гдѣ живетъ

1) Сибо были двинуты изъ Мукдена въ 29 году правленія Цянь-луня и прибыли въ Или въ слѣдующемъ году (1766). По справкѣ, полученной мной изъ управленія Илійскаго цзянь-цзюня, ихъ переселилось: чиновниковъ 26 чел., солдатъ 1.300 чел., всего же, считая съ семьями, домохадцами и дворовой челядью, 18.000 душъ.

2) По-маньчжурски «ниру» значитъ: 1) стрѣла, 2) рота; вмѣсто «виру» нерѣдко употребляется однозначашее монгольское слово «сумунъ». Такъ какъ у каждой роты имѣется свой значекъ, то въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о всѣхъ ротахъ, сибо вмѣсто «чжакунь ниру» (восемь ротъ) часто говорятъ «чжакунь гуса» (восемь знаменъ).

3) Большему увеличенію населенія ниру, по разсказамъ сибо, препятствовало слѣдующее: 1) свирѣпствовавшая среди нихъ болѣзнь (въ особенности оспа); 2) бывшее въ Илійскомъ краѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ возстаніе таранчей и дунганъ, отъ руки которыхъ погибло при этомъ не мало сибо; 3) неоднократные случаи пополненія сильной убыли среди солонувъ и маньчжуръ посредствомъ приписки къ нимъ многихъ сотенъ сибо.

4) Рус. под. сарты, татары и киргизы, а за ними и многіе русскіе, называютъ сибо искаженно «шибе» и «шибинцами».

десятка четыре монаховъ съ «да ламой» во главѣ¹⁾). Въ то же время сибинцы въ значительной мѣрѣ удержали остатки ихъ прежнихъ религіозныхъ вѣрованій — шаманизма. У нихъ до сихъ поръ есть шаманы, къ помощи которыхъ населеніе нину охотно прибѣгаетъ въ случаѣ какихъ-либо болѣзней.

О нравахъ и обычаяхъ сибинцевъ въ литературѣ имѣется мало свѣдѣній; еще меньше извѣстно о современномъ состояніи у нихъ шаманства. Между тѣмъ подъ возрастающимъ вліяніемъ буддизма въ памяти сибо все болѣе и болѣе затемняются и изглаживаются религіозныя представленія ихъ предковъ. Побуждаемый этимъ соображеніемъ и принимая во вниманіе важность изученія шаманства для ознакомленія съ духовною жизнью малокультурныхъ племенъ и народовъ, я, за время службы своей въ Кульдѣжѣ и Урумчи, свободные отъ служебныхъ занятій часы посвящалъ между прочимъ собранію свѣдѣній о сибинскихъ шаманахъ въ Или и Тарбагатаѣ.

Усерднаго помощника себѣ въ этомъ дѣлѣ я встрѣтилъ въ лицѣ сибинца Балишаня, подъ руководствомъ котораго изучалъ въ Кульдѣжѣ разговорный языкъ сибинцевъ. Балишань передалъ мнѣ все, что онъ самъ зналъ о шаманахъ, и наиболѣе важное изъ своихъ разсказовъ по моей просьбѣ записалъ мнѣ. Когда на какой-нибудь вопросъ о шаманахъ наставникъ мой не могъ дать вполне точнаго и яснаго отвѣта, онъ обращался съ разспросами къ другимъ сибинцамъ и, если добытыя такимъ образомъ свѣдѣнія все же меня не удовлетворяли, отправлялся въ сибинскія селенія и въ большинствѣ случаевъ добывался таки того, что мнѣ было нужно. Кромѣ Балишаня съ благодарностью вспоминаю нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ сибинцевъ въ Кульдѣжѣ, Суйдинѣ, Хой-юань-чэнѣ и Чугучакѣ — отъ нихъ я также получилъ не мало цѣнныхъ указаній и разъясненій.

Сибинскаго шамана я видѣлъ только одинъ разъ, да и то, къ сожалѣнію, совсѣмъ не въ той обстановкѣ, въ какой хотѣлось бы его видѣть. Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1907 году, пользуясь разрѣшеннымъ мнѣ Министерствомъ Иностраныхъ Дѣлъ отпускомъ, я отправился изъ Урумчи въ Петербургъ и по пути остановился на нѣсколько дней въ Чугучакѣ. Тарбагатайскимъ хэбэй-амбанемъ, въ вѣдѣніи котораго находятся расположенныя въ Тарбагатаѣ знаменныя войска, былъ тогда сибо-солонь²⁾ Чжалафунга, хорошо извѣстный мнѣ по прежней службѣ его въ Илійскомъ краѣ, гдѣ онъ былъ сначала переводчикомъ кир-

1) О поѣздкѣ моей въ этотъ монастырь мной было сдѣлано сообщеніе въ засѣданіи Импер. Рус. Географ. Общества по Отдѣленію Этнографіи 12 мая 1900 г.

2) Раньше уже было указано, что часть сибо была приписана къ солонскому аймаку (солонь-аймань); такіе солонь стали называться сибо-солонями.

гизскаго языка при цзянь-цзюнь, а потомъ солонскимъ ухэри-да. Узнавъ, что я интересуюсь шаманствомъ и не имѣлъ еще случая видѣть шамана, Чжалафунга выразилъ готовность устроить мнѣ свиданіе съ находящимся въ то время въ Чугучакѣ сибирскимъ шаманомъ Лого. Изъ дальнѣйшихъ переговоровъ моихъ съ Чжалафунга выяснилось, что придти въ консульство наше, гдѣ я остановился, Лого, повсей вѣроятности, откажется, и что, съ другой стороны, поѣздка моя къ шаману привлечетъ массу зрителей, назойливое любопытство которыхъ будетъ для меня чрезвычайно стѣснительно и можетъ даже изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ вызвать столкновение толпы съ сопровождавшими меня казаками. Въ виду этого Чжалафунга предложилъ мнѣ слѣдующее: такъ какъ на другой день я буду обѣдать у него, то онъ вызоветъ Лого къ себѣ, и послѣ обѣда я посмотрю шамана, побесѣдую съ нимъ и сфотографирую его. Я, конечно, съ радостью принялъ любезное предложеніе Чжалафунга. На слѣдующій день я былъ у хэбэй-амбана и тамъ дѣйствительно познакомился съ шаманомъ Лого. Однако надежды, которыя я возлагалъ на это знакомство, оправдались далеко не всѣ — мнѣ, вапримѣръ, довелось очень мало говорить съ шаманомъ. Причинами этого были: во-первыхъ, то, что обѣдъ, устроенный хэбэй-амбанемъ въ честь моего пріѣзда въ Чугучакъ, страшно затянулся; во-вторыхъ, то, что очень много времени ушло у меня на фотографированіе самого Чжалафунга, пожелавшаго, чтобы я спялъ его въ различныхъ костюмахъ. Къ счастью, снимки съ шамана, сдѣланные уже при вечернемъ освѣщеніи, оказались довольно удачными.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перехожу къ изложенію того, что собрано мною относительно шаманства и шамановъ у сибо въ Или и Тарбагатаѣ за время службы моей въ разныхъ мѣстахъ Западнаго Китая.

По мнѣнію сибирцевъ, добрые духи («эньдури»)¹⁾, съ помощью которыхъ человѣкъ борется противъ злыхъ демоновъ, именуемыхъ по-маньчжурски «хуту», «йбаганъ», «бушуку» и «ѣмцизи», относятся къ людямъ неодинаково: къ однимъ они болѣе благосклонны, къ другимъ менѣе; съ однимъ человѣкомъ они вступаютъ въ общеніе, съ другимъ нѣтъ. Поэтому шаманомъ, т. е. посредникомъ между міромъ духовъ и людьми, можетъ сдѣлаться не всякій человѣкъ. По той же причинѣ изъ сыновей шамана не каждый можетъ наследовать отцу въ его званіи.

1) При передачѣ маньчжурскихъ словъ русскими буквами я б. ч. слѣдую транскрипціи ихъ въ маньчжурскомъ словарѣ проф. Захарова (см. Ив. Захаровъ, Полный Маньчжурско-русскій словарь, Санктпетербургъ, 1876).

Духи обыкновенно сама указывают того, кто может и долженъ стать шаманомъ. Дѣлаютъ это они различными способами. Случается, напримѣръ, что въ какой-нибудь семьѣ опасно заболѣтъ ребенокъ, и болѣзнь его, не поддающаяся лѣченію обычными средствами, исчезаетъ столь же быстро, какъ пришла, лишь только приглашенный къ больному шаманъ, осмотрѣвъ заболѣвшаго, объявитъ, что тому предназначено быть шаманомъ. Бываетъ также, что въ ходѣ болѣзни наступаетъ рѣзкая переменна къ лучшему, послѣ того какъ родные больного обратятся съ просьбою объ исцѣленіи къ предкамъ и, кланяясь земно, пообѣщаютъ имъ сдѣлать заболѣвшаго, по выздоровленіи, шаманомъ. Если у шамана нѣскольکو сыновей, то бывшіе въ этомъ роду и уже умершіе шаманы даютъ главѣ семьѣ, обыкновенно въ сновидѣніи, указанія, кто изъ его сыновей или внуковъ долженъ послѣ него сдѣлаться шаманомъ.

Въ такихъ случаяхъ воля духовъ для сибинца очевидна, и противиться ей онъ считаетъ невозможнымъ. Но для того, чтобы сдѣлаться настоящимъ, признаннымъ шаманомъ, надо пріобрѣсти знанія, дающія сверхъестественную силу вызывать себѣ на помощь добрыхъ духовъ и подчинять своей власти злыхъ. Поэтому всякій, кому предстоитъ быть шаманомъ, долженъ предварительно въ теченіе извѣстнаго срока обучаться шаманскому искусству подъ руководствомъ стараго и опытнаго шамана. Съ помощью своего наставника обучаемый затверживаетъ заклинанія, усваиваетъ пріемы, необходимые для призванія духовъ, учится пляскѣ, обращенію съ бубномъ и т. п. Обучение происходитъ въ домѣ обучаемаго и непремѣнно ночью. Во время обученія совершаются моленія духамъ, покровителямъ шамана, и его предкамъ, сжигаются въ честь ихъ разныя благовонія, и, наконецъ, приносятся въ жертву козель. Здѣсь кстати будетъ описать, какъ вообще приносятъ сибинскій шаманъ животныхъ въ жертву предкамъ. Сначала шаманъ доводитъ до свѣдѣнія духовъ, что представляетъ имъ въ даръ козла или какое-нибудь другое животное. Затѣмъ въ ухо и на темя животного, которое къ мѣсту жертвоприношенія доставляется живымъ, льютъ водку. Когда вслѣдствіе этого животное начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону, шаманъ объявляетъ, что даръ принятъ, и, ставши на колѣна и склоняя голову до земли, совершаетъ поклоненіе предкамъ. Послѣ этого животное убиваютъ: ему распарываютъ животъ и повреждаютъ внутренности (ᠬᠡᠮᠡᠨ ᠪᠡ ᠬᠡᠮᠡᠨ ᠪᠡᠬᠡᠮᠡᠨ ᠪᠡᠬᠡᠮᠡᠨ «хэмэли бо хувалафи дорги бо кокирафи бучэбумби»). Убить въ этомъ случаѣ животное какимъ-нибудь другимъ способомъ — напримѣръ, перерѣзавъ ему горло — нельзя. Затѣмъ мясо убитаго животного варятъ. Когда оно дойдетъ до надлежащей мягкости, его вмѣстѣ съ костями шаманъ предлагаетъ по-

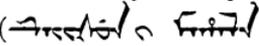
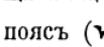
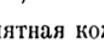
Достигнувъ верхней ступени, онъ молится духамъ, покровительствующимъ шаманамъ; если же въ роду испытываемаго уже были шаманы, то онъ молится также и этимъ умершимъ родственникамъ своимъ и призываетъ ихъ себѣ на помощь. Когда моленія духамъ-покровителямъ и предкамъ окончены, тянутъ за веревку, которой опоясанъ испытываемый, и тотъ падаетъ на землю. Хотя около лѣстницы положено, для ослабленія силы удара о землю, немного соломы, тѣмъ не менѣе послѣдствіемъ паденія съ такой высоты нерѣдко бываютъ сильные ушибы тѣла и головы, поврежденія рукъ или ногъ и иногда даже смерть на мѣстѣ. Но за то, если паденіе съ лѣстницы обошлось благополучно, испытываемый становится въ глазахъ всѣхъ присутствующихъ настоящимъ шаманомъ. По объясненію сибирцевъ, испытываемый, поднимаясь по описанной выше лѣстницѣ, представляется духамъ. Если послѣдніе довольны имъ и согласны видѣть его шаманомъ, то съ помощью ихъ онъ достигаетъ земли невредимымъ; въ противномъ же случаѣ паденіе съ лѣстницы испытываемаго несчастливо.

Въ ту же ночь новый шаманъ поднимается по второй лѣстницѣ, поставленной уже у него въ домѣ. Лѣстница эта небольшая, всего о девяти ступеняхъ; называется она также «чжакорань», «чжакурашь» или «чакурань». Опоясанный, какъ раньше, веревкою, длинный конецъ которой держать присутствующіе въ домѣ люди, новый шаманъ при звукахъ бубновъ подходитъ къ лѣстницѣ. Вотъ онъ вспрыгнувъ (ᠮᠠᠨᠵᠢᠵᠢᠰᠢᠨ) «фэкучэхэ») на первую ступень. Бывшій наставникъ его, старый шаманъ, спрашиваетъ въ это время: «до какого мѣста достигъ ты (ᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ) «я ба-дэ псинаха»)»? Новый шаманъ отвѣчаетъ: «достигъ до первой заставы (ᠮᠠᠨᠵᠢᠵᠢᠰᠢᠨ) «учжуй фурдань-дэ псинаха»). Скакнувъ на вторую ступень лѣстницы, новый шаманъ отвѣчаетъ бывшему своему учителю, что достигъ второй заставы¹⁾. Такихъ прыжковъ новый шаманъ дѣлаетъ пять; въ промежуткахъ между прыжками на лѣстницу онъ играетъ на бубнѣ и пляшетъ (ᠮᠠᠨᠵᠢᠵᠢᠰᠢᠨ) «максимбя»). По объясненію, данному мнѣ сибирцами, девять ступенекъ лѣстницы соотвѣтствуютъ девяти областямъ неба. Такимъ образомъ выше пятой области неба новый сибирскій шаманъ не поднимается. Для обозначенія того, что шаманъ внутри дома скачетъ на лѣстницу и пляшетъ, у сибирцевъ употребляется особое выраженіе — ᠮᠠᠨᠵᠢᠵᠢᠰᠢᠨ «билхиръ лямумби»²⁾).

1) Маньчжурское слово ᠮᠠᠨᠵᠢᠵᠢᠰᠢᠨ «фурдань» значитъ также преграда, предѣлъ.

2) Всѣ сибирцы, къ которымъ я обращался съ просьбою растолковать мнѣ это выраженіе, говорили, что «билхиръ» или «билхири» слово монгольское, но что оно значитъ, никто изъ нихъ мнѣ объяснить не могъ. Въ Монгольско-русско-французскомъ словарѣ О. Ковалевскаго упомянутого слова не оказалось.

На другой день послѣ испытанія новый шаманъ въ сопровожденіи своего бывшаго наставника обходитъ дома своихъ односельчанъ. Войдя во дворъ каждаго дома, шаманъ бьетъ въ бубенъ и поетъ: «пусть сундуки ваши будутъ полны всякаго добра! да наполнятся хлѣвы ваши скотомъ! пусть жатва ваша будетъ обильна, а торговля прибыльна! да родится у васъ сынъ — ловкій наѣздникъ и дочь — искусная рукодѣльница!» и т. д. Много другого въ томъ же родѣ поетъ шаманъ, и ни съ одного двора не отпускаютъ его съ пустыми руками: въ одномъ мѣстѣ, въ отвѣтъ на его пожеланія хозяевамъ дома счастья и благополучія, подаютъ ему денегъ или хлѣба, въ другомъ — кусокъ матеріи, въ третьемъ — сколько-нибудь пеньки или хлопка и т. д. Все, что собралъ такимъ образомъ новый шаманъ, онъ продаетъ и на вырученныя деньги заводитъ себѣ шаманское одѣяніе.

Нарядъ сибирскаго шамана, въ которомъ онъ входитъ въ общеніе съ міромъ духовъ какъ благожелательныхъ, такъ и враждебно настроенныхъ къ нему, составляютъ слѣдующіе предметы: 1) очень оригинальной формы мѣдная шапка («тайшунь-и махала»), которая состоитъ изъ мѣднаго обруча, надѣваемого на голову, и двухъ прикрѣпленныхъ къ этому обручу и скрещивающихся другъ съ другомъ сверху, надъ головою, мѣдныхъ дугъ; 2) поясъ («умьсунь»), обвитый тонкими пеньковыми веревками, обвитыми полосками холста пяти различныхъ цвѣтовъ; 3) одна сыромятная кожа («ялгнъ суку»), набрасываемая поверхъ пояса; 4) тринадцать большихъ мѣдныхъ круговъ, которые по преимуществу называются «хачжунь», т. е. оружіемъ или доспѣхами шамана; 5) небольшое, величиною съ чохъ, мѣдное зеркало («толя»), которое вѣшается шаманомъ на грудь и обладаетъ волшебными свойствами; 6) бубенъ («имцянъ»¹⁾), состоящій изъ довольно широкаго круглаго деревяннаго обода, обтянутаго съ одной стороны козлппой кожей и имѣющаго внутри вмѣсто ручекъ протянутыя накрестъ отъ одного края до другого веревки; 7) копы («гыда») длиною немного болѣе полусаженія. Изображенія нѣкоторыхъ предметовъ, составляющихъ непремѣнную принадлежность шаманскаго наряда у сибо, можно видѣть на фотографическихъ снимкахъ, сдѣланныхъ мною въ 1907 году въ Чугучакѣ съ сибирскаго шамана по имени Лого (см. рисунки №№ 1—4).

Изъ всѣхъ частей шаманскаго костюма сибирцы наибольшее значеніе приписываютъ зеркальцу «толя». Это зеркальце есть у каждаго шамана. Оно посылается шаману его покойными предками, бывшими шаманами, и посы-

1) У каждаго шамана ихъ бываетъ отъ 5 до 6 штукъ.

ᠰᠠᠮᠠᠨᠲᠤ ᠲᠤᠯᠢ ᠴᠢᠵᠠᠮᠪᠢ» «саманъ толи чжафамби», т. е. шаманъ ловить, хватаетъ рукою толи. Готовящійся сдѣлаться шаманомъ сначала долженъ поймать волшебное зеркальце, а потомъ уже онъ, подвергаясь испытанію, можетъ подниматься по описанной выше лѣстницѣ.

Когда новый шаманъ обзавелся всѣми принадлежностями своего званія, онъ можетъ приступить къ лѣченію болѣзней. Какъ извѣстно, по представленію шаманистовъ всѣ болѣзни людей—дѣло злыхъ духовъ. Какой демонъ

Рис. 2.

вселлся въ тѣло больного, какъ изгнать его оттуда, какими жертвами умиловитивить разгнѣванное божество, чѣмъ снискать расположеніе добрыхъ духовъ—все это знаетъ только шаманъ, которому открытъ міръ тайгъ, недоступный обыкновенному смертному.

Лѣченіе легкихъ болѣзней существенно отлчается отъ лѣченія болѣзней опасныхъ и тяжелыхъ.

Если шаманъ, прийдя въ домъ, куда его позвали, и осмотрѣвъ больного, найдетъ, что болѣзнь незначительна, то происходитъ слѣдующее. Давъ род-

ственникамъ заболѣвшаго нѣсколько указаній относительно того, что нужно приготовить къ вечеру того же дня, шаманъ возвращается къ себѣ. Съ наступленіемъ темноты со двора, гдѣ лежитъ больной, выѣзжаетъ всадникъ. Онъ отправляется за шаманомъ и привозитъ его съ собою. Шаманъ, взявши нѣсколько листовъ бѣлой бумаги, покрываетъ эту бумагою столъ и возжигаетъ на столѣ куренія. Потомъ, ударяя въ бубенъ, онъ молится духамъ, покровительствующимъ ему. При этомъ шаманъ два или три раза подходитъ

Рис. 3.

Рис. 4.

къ двери, ведущей изъ дома на дворъ, и, бормоча непонятныя для присутствующихъ слова, произноситъ заклинанія. Родственники больного помогаютъ шаману призывать духовъ: когда шаманъ, произнося заклинанія, сдѣлаетъ остановку, они громко кричатъ (ᠠᠰᠢᠷᠦᠮᠪᠢ «сурэмби») тѣ слова, которымъ заранѣе научилъ ихъ шаманъ. Если въ домѣ больного людей мало, то на помощь шаману приглашаютъ подростковъ изъ сосѣднихъ домовъ. Покончивъ моленія и заклинанія, шаманъ беретъ табуретъ и садится противъ больного. Последній начинаетъ спрашивать шамана: «при какихъ об-

Повѣсивъ въ домѣ больного картину съ изображеніемъ предковъ (ᠮᠠᠫᠤᠨᠠᠭᠤᠨ) («мафари») и раскрывши божницу, шаманъ приноситъ передъ ними жертвы и пляшетъ. Въ это время на шаманѣ всѣ принадлежности его шаманскаго одѣянія; въ рукѣ онъ держитъ бубенъ. Другіе бубны находятся у нѣкоторыхъ изъ числа присутствующихъ здѣсь же и помогающихъ шаману лицъ; послѣднія колотятъ въ бубны соотвѣтственно указаніямъ шамана и сообразуясь съ тѣмъ, какъ онъ бьетъ въ бубенъ. Заручившись при помощи моленій, жертвъ и заклинаній содѣйствіемъ различныхъ духовъ и бывшихъ шаманами покойныхъ предковъ своихъ, шаманъ посредствомъ новыхъ заклинаній и пляски вступаетъ въ борьбу съ демономъ, мучающимъ больного. Иной разъ борьба не продолжительна, и бѣсъ, видя превосходство шамана, скоро обращается въ бѣгство; иной же разъ борьба затягивается, и побѣда дается шаману путемъ чрезвычайнаго напряженія всѣхъ его силъ. Бываетъ также, что врагъ оказывается шаману не подъ силу, и больной умираетъ, замученный злымъ духомъ.

При болѣзняхъ, трудно поддающихся лѣченію, шаманы нерѣдко подвергаютъ себя истязаніямъ: обнаживши свое тѣло, они наносятъ себѣ удары копьемъ или мечемъ по рукѣ или животу, заставляютъ другихъ колоть ихъ пожами, топчуть босыми ногами огонь, прикладываютъ къ различнымъ частямъ своего тѣла накаленное до-красна желѣзо и т. п. Иногда такимъ образомъ шаманы наносятъ себѣ серьезныя рапы. Цѣль этихъ самоистязаній — нагнать страхъ на бѣса, вошедшаго въ тѣло больного человѣка. Если больной, глядя на такія истязанія, испугается, то считаютъ, что злой духъ, мучающій больного, испугался шамана. «Когда я былъ еще ребенкомъ», говорилъ мнѣ Балишанъ, «у насъ въ пйру былъ шаманъ по имени Хацзинтай — очень мудрый человѣкъ. Какъ этого шамана подвергали истязаніямъ, я самъ видѣлъ. Двумя ножами сначала кололи его въ лобъ, и кровь припимали на бѣлую бумагу; затѣмъ онъ обнажалъ свое тѣло, и его кололи пожами съ двухъ сторонъ въ поясницу. Въ концѣ концовъ раны его обтирали бумагой, и всякіе слѣды отъ ударовъ ножами совершенно исчезали. Это я видѣлъ собственными глазами».

Въ ту ночь, когда благодаря шаману кто-нибудь избавляется отъ тяжелой болѣзни, дѣлаютъ еще слѣдующее: въ заблаговременно принесенный съ поля, долго лежалый лошадиный навозъ (ᠮᠣᠷᠢᠨᠢᠨᠠᠭᠤᠨ) («моринь-и фачжань») примѣшиваютъ сала, водки, пороху, растираютъ хорошенько все это, просушиваютъ и выносятъ въ поле; тамъ разводять огонь и бросаютъ въ него куски приготовленнаго описаннымъ образомъ навоза; послѣдній вспыхиваетъ и, давая много свѣта, горитъ яркимъ пламенемъ. Дѣлается это для того, чтобы злого духа, изгнаннаго шаманомъ изъ больного

человѣка, вмѣстѣ со всѣми его нечистыми сообщниками отогнать какъ можно дальше отъ селенія.

Въ награду за избавленіе отъ тяжелой болѣзни шаману даютъ, смотря по состоянію, быка, лошадь или же нѣкоторую сумму денегъ. Никакихъ опредѣленныхъ правилъ на этотъ счетъ не существуетъ.

Въ числѣ болѣзней, при которыхъ обращаются за помощью къ шаману, значится также такъ называемая «чортова болѣзнь» (ᠴᠣᠷᠲᠣᠪᠠ ᠪᠣᠯᠡᠵᠢᠨ «ябагань нимэю»). Судя по описанію, это, кажется, истерія. По мнѣнію сибирцевъ, она бываетъ только у женщинъ¹⁾. При изгнаніи изъ женщины, страдающей «чортовой болѣзью», мучающаго её злого духа происходятъ слѣдующее. Послѣ обычныхъ моленій и заклинаній шаманъ приказываетъ въ назначенное имъ время, обязательно почью, на средину двора того дома, гдѣ живетъ больная, положить колесо отъ телеги (ᠠᠶᠢᠨ ᠠᠨ ᠪᠣᠯᠡᠵᠢᠨ «сэжэнь-и мухэрэнь»). Кругомъ колеса, на извѣстномъ разстояніи отъ него, становятся родственники больной женщины и зрители, которыхъ въ подобныхъ случаяхъ собирается очень много. Больную заставляютъ ходить вокругъ колеса. Слѣдомъ за больной идетъ человѣкъ, называемый «даочи» (ᠳᠠᠴᠢ); въ рукахъ у него плетка. Изъ узанныхъ имъ отъ шамана выраженій и изъ самыхъ имъ придуманныхъ различныхъ, несуществующихъ въ маньчжурскомъ языкѣ, словъ даочи импровизируетъ родъ непонятныхъ стиховъ, назначеніе которыхъ, по словамъ сибирцевъ, заключается въ томъ, чтобы «стыдить женщину и унижать бѣса»²⁾. Слушателямъ чрезвычайно нравятся слова даочи. Они жадно внимаютъ имъ и, когда даочи сдѣлаетъ передышку (паузу), подхватываютъ и громко кричатъ послѣднія его слова. Обойдя нѣсколько разъ вокругъ колеса, даочи щелкаетъ плеткой по воздуху, и женщина, испуганная этимъ, пускается бѣжать. Наталкиваясь на людей, которые не даютъ ей пропуска, она поневолѣ бѣгаетъ все время вокругъ колеса. Когда она въ изнеможеніи упадетъ на землю, братья ея или близкіе родственники поднимаютъ её и снова заставляютъ ходить по кругу. Затѣмъ, по произнесеніи новыхъ стиховъ, даочи опять взмахиваетъ

1) Желая добиться возможно полнаго описанія этой болѣзни, я письмомъ изъ Урумчи запросилъ Балишана, почему «ябагань нимэю» бываетъ только у женщинъ. И вотъ что отвѣтилъ мнѣ бывший мой учитель маньчжурскаго языка: «Натура женская подобна водѣ. У тѣхъ женщинъ, у которыхъ въ чувствахъ и мысляхъ безпорядокъ, «ябагань нимэю» случается часто; у женщинъ же съ твердымъ характеромъ названная болѣзнь бываетъ рѣдко. Поэтому какъ же можетъ такая болѣзнь беспокоить крѣпкихъ духомъ мужчинъ?»

2) Вотъ образчикъ импровизаціи «даочи», записанный для меня сэю (учителемъ) Балишанемъ: ᠠᠶᠢᠨ ᠠᠨ ᠪᠣᠯᠡᠵᠢᠨ ᠠᠶᠢᠨ ᠠᠨ ᠪᠣᠯᠡᠵᠢᠨ ᠠᠶᠢᠨ ᠠᠨ ᠪᠣᠯᠡᠵᠢᠨ «тэбүтэ чу канэ чжэ дэлкэ дэлэ сэб хэй».

плетью, и снова бѣжать отъ него больная. Когда она упадетъ, её поднимаютъ и опять заставляютъ ходить вокругъ колеса. Такъ повторяютъ нѣсколько разъ. Если въ первую же ночь не удастся избавить больную отъ «чортовой болѣзни», то описанные приемы изгнанія изъ нея злого духа повторяются нѣсколько ночей подъ рядъ.

Даочп — обыкновенно помощникъ или ученикъ шамана. Въ награду за его труды ему ничего не даютъ, угощаютъ лишь виномъ.

Когда лѣченіе «йбагань нимаку» окончено, изъ разноцвѣтной бумаги дѣлаютъ разные цвѣты, выносятъ ихъ въ поле и тамъ сжигаютъ.

Если случится, что кто-нибудь впадетъ въ глубокой и продолжительный обморокъ, то, по мнѣнію сибирцевъ, это значитъ, что душа¹⁾ такого человѣка ушла изъ его тѣла и бродитъ гдѣ-нибудь въ полѣ. На обязанности шамана лежитъ поймать душу и вернуть её въ покинутое ею тѣло. Чтобы изловить душу, шаманъ беретъ съ собою пѣтуха и вмѣстѣ съ нѣсколькими родственниками впаваго въ обморокъ отправляется ночью въ поле. Тамъ они разводять небольшой огонь. Шаманъ ходитъ вокругъ огня и громко кричатъ: «хорихори хори со!»²⁾ Пришедшіе съ шаманомъ люди кричатъ то же самое. Обойдя такимъ образомъ нѣсколько разъ вокругъ костра, шаманъ вдругъ прыгаетъ въ огонь и дѣлаетъ видъ, что поймалъ душу. Зажавъ душу въ рукѣ, онъ несетъ её домой. Когда онъ входитъ въ ворота, мать лежащаго въ обморокъ человѣка, сидя около сына, потихоньку говоритъ: «хори, хори (ᠬᠣᠷᠢ ᠬᠣᠷᠢ!)»³⁾ Шаманъ входитъ въ домъ и, захвативъ рукою верхнюю часть головы находящагося въ обморокъ, спрашиваетъ: «пришла ли (ᠠᠷᠢᠮᠢᠨᠢᠨᠠ «цзихэну»)»? Стоящіе подлѣ люди отвѣчаютъ: «пришла (ᠠᠷᠢᠮᠢᠨᠢᠨᠠ «цзихэ»)!»

1) Въ письменномъ языкѣ — ᠬᠣᠷᠢᠨᠢᠨᠠ «фаянга», въ разговорномъ же часто ᠬᠣᠷᠢᠨᠢᠨᠠ «фаянго».

2) Балишанъ пишетъ эти слова вотъ какъ: ᠬᠣᠷᠢᠨᠢᠨᠠ ᠬᠣᠷᠢ ᠰᠣ. Крича такъ, очевидно, подражаютъ пѣнію пѣтуха.

3) Тарбагатайскіе сибирцы, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать о шаманахъ, пишутъ и произносятъ «хури, хури» (ᠬᠣᠷᠢᠨᠢᠨᠠ ᠬᠣᠷᠢᠨᠢᠨᠠ). Удовлетворительнаго объясненія этихъ словъ «хори» или «хури» я ни отъ кого добиться не могъ. Балишанъ говорилъ мнѣ, что если маленькій ребенокъ внезапно чего-нибудь очень сильно испугается, то у нихъ, въ ниру, принято въ такихъ случаяхъ говорить также «хори, хори!» для того, чтобы «приманить» (ᠠᠷᠢᠮᠢᠨᠢᠨᠠ «эклимби») душу испугавшагося и не дать ей возможности уйти далеко. Если словами «хори, хори!» приманиваютъ душу, то врядъ ли это повелительное наклоненіе отъ глагола «хоримби» (ᠬᠣᠷᠢᠮᠢᠨᠢᠨᠠ «загоплю, вгоняю»).

Сибирскіе шаманы исполняютъ обязанности, налагаемыя на нихъ службою въ пиру, получаютъ отъ правительства жалованье деньгами и хлѣбомъ и несутъ разнаго рода повинности наравнѣ со всѣми другими сибирцами; никакихъ отклоненій отъ обычнаго порядка для нихъ въ этихъ случаяхъ не дѣлается.

Шаманокъ у сибирцевъ, живущихъ въ Илійскомъ краѣ и въ Тарбагатаѣ, нѣтъ. Говорятъ, что раньше, когда сябо жили въ Маньчжуріи, у нихъ были шаманки.

Злыхъ шамановъ, насылающихъ по своему желанію бѣды на людей, у сибирцевъ нѣтъ¹⁾. Поэтому въ сибирскихъ пиру шамана немного побаиваются лишь маленькія дѣти; взрослые же люди шамана не боятся и не остерегаются. Напротивъ, къ искусному и знающему шаману его односельчане и другіе сибирцы относятся съ большимъ почтеніемъ и уваженіемъ.

При рожденіи дѣтей, свадьбахъ и похоропахъ сибирцы обращаются къ ламѣ, а не къ шаману.

Находятся, конечно, люди, которые обращаются къ сибирскимъ шаманамъ съ просьбою поворожить имъ. Хотя при ворожбѣ шаманы также прибѣгаютъ къ помощи своихъ предковъ, тѣмъ не менѣе словамъ ихъ въ такихъ случаяхъ сибирцы особой вѣры уже не даютъ.

Обычая гадать по положенной въ огонь бараньей лопаткѣ, обычай, существующаго, напримѣръ, у монголовъ, у сибирцевъ нѣтъ.

Такимъ образомъ дѣятельность сибирскихъ шамановъ посвящена теперь почти исключительно лѣченію людскихъ болѣзней. На этомъ поприщѣ съ шаманами не безъ успѣха соперничаютъ ламы. Однако вѣра въ сверхъестественныя знанія шамана, общеніе его съ міромъ духовъ и въ возможность съ его помощью избавиться отъ болѣзней, посланныхъ злыми демонами, велика у сибирцевъ и до сихъ поръ.

Въ прежнее время, когда сябо еще не были знакомы съ буддизмомъ, и шаманизмъ занималъ у нихъ господствующее положеніе, сибирскіе шаманы, вѣ въ всякаго сомнѣнія, имѣли большое вліяніе на жизнь своего племени. Но съ той поры, какъ видно изъ изложеннаго выше, произошла огромная переменна: немало сибирцевъ—особенно изъ чивовничьяго класса—отвернулись отъ шаманства, сдѣлавшись ревностными буддистами; по различнымъ вопросамъ сябо предпочитаютъ теперь обращаться за помощью къ ламѣ, а не къ шаману; самый кругъ дѣятельности шамановъ, по сравненію съ прошлымъ, очень сузился, и степень почета, которымъ пользуется сибирскій шаманъ среди своихъ соплеменниковъ, зависить нынѣ

---

1) По словамъ Балишана, такіе шаманы были въ прежнее время у солоновъ.

исключительно отъ того, насколько этотъ шаманъ искусенъ во врачеваніи болѣзней.

По моему мнѣнію, шамановъ, нѣкоторые древніе обычаи и сравнительно большую чистоту родного языка сибо удержали у себя до настоящаго времени главнымъ образомъ благодаря тому, что по переселеніи изъ Маньчжуріи въ Или и Тарбагатай долгое время жили какъ бы особнякомъ отъ другихъ народностей: китайское вліяніе на нихъ было незначительно вслѣдствіе малочисленности въ названныхъ мѣстахъ китайцевъ; представителей же тюркской группы — сартовъ и киргизовъ сибо всегда считали во всѣхъ отношеніяхъ ниже себя и потому хотя входили и входятъ съ ними въ сношенія, но мало что отъ нихъ позаимствовали. Событіями послѣднихъ лѣтъ такой въ значительной степени обособленной и крѣпко связанной со старинною жизни сибо положенъ конецъ. Рѣшительный поворотъ китайскаго правительства въ сторону европейской науки и культуры не замедлил отозваться и на сибо: среди теперешней сибинской молодежи есть уже такіе юноши, которые, по желанію Илійскаго цзянь-цзюня и съ разрѣшенія нашихъ властей, прошли нѣсколько классовъ гимназіи въ гор. Вѣрномъ. Само собою, конечно, разумѣется, что проводимыя нынѣ въ Китаѣ социальпо-административныя реформы не только вводятъ сибинцевъ въ новый для нихъ міръ понятій и идей, но и отрываютъ ихъ отъ прежнихъ взглядовъ, вѣрованій и убѣжденій. На основаніи этого съ увѣренностью можно сказать, что недалеко то время, когда о шаманахъ у сибо останется одно лишь воспоминаніе.

Свои замѣтки о современномъ состояніи шаманства у сибо въ Илійской области и Тарбагатаѣ я закончу слѣдующими словами Балишана, взятыми изъ одного письма его ко мнѣ: «Безспорно, нѣкоторые шаманы въ дѣйствіяхъ своихъ прибѣгаютъ къ обману; тѣмъ не менѣе, въ особенности если принять во вниманіе ту пользу, которую приносятъ шаманы народу при лѣченіи болѣзней, ни въ коемъ случаѣ нельзя сказать, что *все* шаманы — лгуны и обманщики». По моему мнѣнію, слова эти прекрасно передаютъ взглядъ большинства теперешнихъ илійскихъ и тарбагатайскихъ сибо на ихъ шамановъ.

Н. Кротковъ.

Объясненіе къ фотографическому снимку съ картины, видѣнной Н. Кротковымъ въ 1908 году въ гор. Чугучакѣ¹⁾.

(Владѣлецъ картины — живущій въ Чугучакѣ сибирскій чиновникъ по фамиліи Гэчжурэ; младшій братъ его дѣда былъ шаманъ).

На самомъ верху картины, средняя изъ трехъ изображенныхъ тамъ фигуръ — знаменитая шаманка древности Сянь; считается у сибо покровительницей шамановъ. По объѣмъ сторонамъ ея — двѣ прислуживающія ей ученицы ея, тоже шаманки. Ниже этихъ трехъ шаманокъ и нѣсколько въ бокъ отъ нихъ — изображенія двухъ божествъ, къ помощи которыхъ обращаются, когда дѣти заболѣютъ оспой; божество, находящееся налѣво отъ смотрящаго на снимокъ — женское божество, называемое сибинцами «мама» (бабушка); божество, находящееся направо — божество мужское, называется оно у сибо «мафа» (дѣдушка). Тигры (тасха), орлы (дамвнъ, сиб. разговор. дайминь) и ястребъ (гяхунь), изображенные сейчасъ же подъ Сянь, это звѣри и птицы, вскормленные знаменитой шаманкой и сдѣлавшіеся потомъ безсмертными духами; они служили Сянь, когда она жила на землѣ, служатъ ей и въ загробной жизни. Когда шаманъ при лѣченіи болѣзни идетъ къ двери, ведущей на дворъ, и молится, онъ призываетъ къ себѣ на помощь противъ злыхъ духовъ прежде всего этихъ орловъ и ястреба.

По словамъ сибинцевъ, хорошіе шаманы прежняго времени при лѣченіи болѣзней призывали къ себѣ на помощь также тигра, и послѣдній входилъ въ ихъ тѣло; теперешніе же шаманы искусствомъ прежнихъ шамановъ не обладаютъ и потому къ духу тигра съ призывомъ не обращаются. По обѣ стороны группы изъ упомянутыхъ выше трехъ шаманокъ нарисованы двѣ змѣи — изображенія подчиненныхъ шаманкамъ злыхъ духовъ (мангянь); первая изъ этихъ змѣй (налѣво) называется «мосярухунь мангянь» (ᠮᠣᠰᠢᠷᠠᠬᠤᠨ ᠮᠠᠩᠵᠠᠨ), вторая (направо) — «чжабчжанъ мангянь» (ᠴᠢᠪᠴᠢᠩ ᠮᠠᠩᠵᠠᠨ). Центръ картины занимаютъ столы, за которыми спятъ предки и умершіе родственники шамана, женщины — по лѣвую сто-

1) См. таблицу.

рону отъ зрителя, мужчины—по правую. Ниже столовъ два всадника. Тотъ изъ нихъ, что изображенъ направо, подъ столомъ, за которымъ сидятъ мужчины, носитъ названіе «сэлэй сачай мангянь», т. е. духъ или демонъ съ желѣзнымъ шлемомъ; всадникъ, находящійся на противоположной сторонѣ, называется «вэхэй сачай мангянь» — демонъ съ каменнымъ шлемомъ. При лѣченіи болѣзней шаманъ обращается къ этимъ всадникамъ съ просьбою объѣхать дворъ дома, гдѣ лежатъ больной, и быть на стражѣ прогнать враждебно настроенныхъ духовъ. На самомъ низу картины, въ правомъ углу ея, три фигуры съ бубнами. Это изображенія людей (изъ нихъ двое подростковъ), помогающихъ шаману бить въ бубны. Далѣе нарисованъ готовящійся подниматься по лѣстницѣ шаманъ; онъ сидитъ на табуретѣ и бьетъ въ бубенъ. Передъ шаманомъ жертвенный столъ; передъ столомъ сосудъ, въ которомъ жертвенные ножи. По одну сторону шамана лежатъ три бубна, по другую, около сосуда, стоятъ пѣтухъ. За жертвеннымъ столомъ возвышается лѣстница, по которой долженъ подниматься шаманъ. Надъ лѣстницей изображено божество, помогающее шаману восходить по лѣстницѣ и называющееся, какъ довелось слышать, «акя мэргэнь мангянь». По обѣ стороны этой фигуры духи, которыхъ шаманъ посредствомъ заклинаній подчиняетъ и заставляетъ служить себѣ. Въ лѣвомъ нижнемъ углу картины изображены: бѣлый быкъ, приведенный на закланіе, и затѣмъ зрителя, пришедшіе посмотрѣть, какъ шаманъ будетъ подниматься по лѣстницѣ.

О другихъ, болѣе мелкихъ деталяхъ картины мною никакихъ разъясненій не получено.

Въ заключеніе не лишнимъ считаю замѣтить, что сибянецъ Балишанъ—о немъ сказано на стр. 119-й—даегъ относительно нѣкоторыхъ фигуръ на картинѣ, о которой идетъ здѣсь рѣчь, толкованіе нѣсколько отличное отъ того, что составлено мною на основаніи словъ другихъ спбо и приведено выше. Такъ, по мнѣнію Балишана, жепщина, нарисованная въ самомъ низу картины, въ лѣвомъ углу ея, — сибинская дѣвушка, которая собирается подняться по лѣстницѣ съ остроотточенными мечами вмѣсто ступеней (см. стр. 122 и 123) для того, чтобы посредствомъ такого испытанія добиться признанія ея шаманкой; дѣвушку подводятъ къ лѣстницѣ старикъ — ея дѣдъ (бооѣ мафа); шаманъ, что сидитъ около жертвеннаго стола и бьетъ въ бубенъ, — учитель подвергающейся испытанію. Проверить правильность объясненія Балишана подробными разспросами владѣльца картины Гэчжурэ или же видѣннаго мною въ Чугучакѣ сибинскаго шамана Лого, мнѣ, къ сожалѣнію, не довелось.

